

*кандидат педагогических наук,
доцент общеуниверситетской
кафедры мировой литературы
и культуры
имени проф. О. Мишукова*

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ "ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" В ГРОТЕСКНОЙ ПРОЗЕ А. СЛАПОВСКОГО. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В современном художественном произведении, ориентированном на реалистическую традицию, особым способом исследования нравственного идеала личности нередко выступает гротеск. Соединяя несоединимое и расчленяя целостный образ на разноприродные составляющие, гротеск издавна используется как способ проникновения за порог очевидного и логически обусловленного. Поэтика гротескных допущений помогает проникнуть за грань очевидного к сути подлинного. Размыwanie границ самоидентификации личности, утрата нравственных ориентиров, подмена личностного "я" отчужденным "он" и обобщенным "мы" и ряд других проблем сближают реалистическую и постмодернистскую традицию в современной литературе в поисках "героя нашего времени". В зоне такого художественного эксперимента – проза нашего современника А. Слаповского.

В романе "Мы" А. Слаповский исследует инвариант личностного сдвига "Я/Мы". Название устанавливает ассоциативные связи с классической антиутопией Е. Замятина "Мы", где "Мы" – безликий образ деперсонифицированных людей-номеров, ставших "продуктом" тоталитарной идеологии. В поисках ускользающего личностного "Я" человека конца XX века Слаповский использует механизм гротескного сращения "Я"/"Мы". Свое исследование автор ведет в новых социальных и художественных условиях – условиях т. н. "анти-абсурда" – особой формы абсурда, адаптированной к обыденному сознанию и повседневному образу жизни своих современников. В определении абсурда писатель, посвятивший обоснованию метода романа "Теоретическое предисловие", опирается на традиции Н. Гоголя и Д. Хармса, понимая абсурд и гротеск как сущностные параметры самой действительности: *"Абсурдом мы называем в жизни то, что нам кажется необычным, чего, казалось бы, не должно быть. Но, поскольку в жизни бывает все, то наши утверждения беспочвенны и абсурдны"* [12, с.10]. Часто за словом "абсурд" стоит непреложная истина, с которой трудно смириться обыденному сознанию. Автор убежден, что *"изображать абсурд с помощью абсурда – абсурд – непродуктивно с художественной точки зрения"* [12, с. 10]. Свой творческий метод он называет "антиабсурдом". Игра на когнитивном разрыве слова и его смысла, несовпадении в кадре "картинки" и "звука" – основной резерв гротескной образности в его творчестве. Оксюморонная связь "знака" и "содержания" создает способ повествования, при котором норма воспринимается как абсурд, а абсурд как норма, что и определяет специфику гротеска в романе "Мы". Вместе с тем писатель задается вопросом, а что вообще есть норма? На границе категорий "норма/анти-норма" балансирует гротескный мир самоопределения современного человека: *"Мне стали интересны нормальные люди – за то, что их в жизни принимают за ненормальных... Разгадка проста: нормального в мире стало меньше, чем ненормального, вот оно и кажется ненормальным"* [12, с. 12].

Автор настаивает на реалистической достоверности невероятно-фантастических событий книги: *"При этом абсолютно все в ней – правда, как в жизни, а если где и есть*

фантазия, то правдивей самой жизни" [12, с. 15]. Фабульно-композиционную сторону произведения составляют около ста эпизодов-иллюстраций к антиабсурдному образу собирательного "Мы", поглотившему абсурдное "Я". Рассказы на бытовую тему освещают жизнь "нормального" большинства, сформировавшегося на основе "перевернутой" нормы.

Гротескный дискурс антиабсурдного мира в романе "Мы" создается в ситуации эксплицитного правдоподобия при имплицитной ложности ситуации. В рассказе "Происшествие" случай циничного грабежа Артамоновым Зинина представлен в духе идеалистического альтруизма: *"Дай сто рублей, – сказал Артамонов. – На, – сказал Зинин и дал ему сто рублей"* [12, с. 18]. Соединение обыденности поведения с крайней жестокостью и насилием рождает образы "черного юмора". В рассказе "Разочарование" герой мечтает о такой работе: "минуту работать, чтобы потом месяц не работать". Перебирая в уме занятия парашютиста, спортсмена-шестовика Бубки, он выбирает работу палача. За незанятостью "по основной работе" его привлекают мести двор, помогать слесарям... Доведенный до отчаянья "такой несправедливостью", он *"схватил что-то такое и кого-то ударил до смерти"* [12, с. 95]. Жилец Джуравский (рассказ "В проживании не замечен"), отчаявшись от абсурдности ситуации, зарезал домоуправа за его стойкое и невозмутимое отрицание очевидного факта: проживания Джуравского в квартире.

Нарочитая идеализация чувств, сопровождающая ситуации банальных поступков, создает гротескный образ перевернутого идеала. Таковы герои рассказа "Праздник", распивающие ящик водки в котельной: *"Лики наши были светлы. Мы верили в Бога и будущее нашей великой обездоленной страны... Тихо заплакал светлыми слезами рэкетир и бандит Василевский"* [12, с. 28-29]. Гротескный герой романа зачастую живет на стыке банально-бытового и фантастического миров. Так, герой рассказа "Мусорщик" собирает из выброшенных на свалку деталей агрегат для телепортации и демонстрирует его удивительные возможности другу-собутыльнику: *"он встал в известную ему точку, вытянул руки над головой, поймал струю энергии, уменьшился до невидимости и полетел сквозь тоннель"* [12, с. 35]. Кассирша Капитолина Афанасьевна Долгорукова из рассказа "Касса" продает билеты, устроившись под потолком помещения, поскольку строители неправильно вставили окошко. Несуразность ситуации не мешает ей продавать, а гражданам – покупать билеты, приспосабливаясь к абсурдной ситуации как к нормальной, хотя периодически все же *"кто-то из детей или немощных стариков срывался, падал"* [12, с. 142].

Гротескного героя романа "Мы" характеризует неадекватная реакция на нехарактерную, "ненормальную" позитивную ситуацию. В рассказе "Чистота" проводница вечно грязного плацкартного вагона, Людмила Ефимьевна, в неожиданной для нее ситуации чистоты и порядка спального вагона, куда она была временно переведена, сама разбрасывает мусор, чтобы дать волю ее привычным эмоциям: *"Опять нагадили, паразиты, сволочи, свиньи"* [12, с. 101] и др. Герои рассказа "Там, где чисто, светло..." становятся жертвами официанта, обезумевшего от их светлых, идиллических отношений.

Гротескный тип наррации создает логическая нестыковка тезиса, антитезиса и вывода, образующих абсурдную ситуацию: *"Каков вывод из этого рассказа, напрашивающийся сам собой? Но, хоть он и сам напрашивается, – нету никакого"* (рассказ "Памятник") [12, с. 84]. "Бессобытийная" жизнь, "неслучившаяся история", неожиданно банальная развязка, воспринимаемая как норма, образуют своеобразный гротескный антитекст литературы (рассказы "Иванов", "Зубы", "Нож", "Коля и Оля"). В поисках аутентичного "Я" личности среди антиабсурдного мира "Мы" А. Слаповский использует логико-смысловые сдвиги в аспекте поведения, семантике причинно-следственных связей, структуры традиционного художественного образа. Нейтрально-отчужденное, безоценочное отражение убожества "нормальной" жизни в сказовой манере "нормального" повествователя создает образ сознания "Я" повествователя как пограничного между нормой и "анти-нормой".

В романе "Анкета" А. Слаповский исследует еще одну модель личностного сдвига – "личностное Я / анкетное Я". Этот инвариант трансформации индивидуального сознания основывается на традиционном гротескном механизме пересечения "живого" и "неживого", "уникального" и "нормативного", "человека" и "системы". Этот гротескный механизм реализуется в контексте антиутопической доминанты романа Слаповского "Анкета" как отображение дуализма современного сознания "человек/система". История "самоконструирования личности, ускользающей от одной железной необходимости, чтобы очутиться под гнетом другой, не менее железной" [6, с. 232], легла, по мнению А. Немзера, в основу романа "Анкета".

Роман имеет форму записок. В жанровом отношении это "тайнопись", восходящая к классическим предтекстам. "В отличие от своих литературных предшественников гоголевского Поприщина и "подпольного человека" Достоевского, Каялов изначально обладает недеформированным сознанием", – отмечает критик Е. Ливантовская (Воробьева) [5]. А. Слаповский в своей "тайнописи, написанной открытым текстом", с одной стороны, не отклоняется от традиционного способа видения и изображения мира; с другой – использует элементы фантастики, гротеска. За компьютерной рукописью Слаповского просматривается двойственный гротескный герой. Антон Петрович Каялов – постсоветский безработный интеллигент, "не поэт, не гений и не убийца", которого окружающие (за редким исключением) считают "слишком нормальным". Воспитанный на примере отца, подчинившего свою жизнь гипертрофированному пониманию нравственного долга, он ощущает двойственность: с одной стороны, он принимает наследственные семейные качества – "честность и противостояние", с другой стороны, следуя этим качествам, он неизбежно провоцирует противостояние всему и в том числе самому себе. При высоком уровне общественного сознания герой в действительности словно выключен из активной жизни. Он не женат, нигде не работает, почти нигде не бывает, проживает под руководством своей старшей сестры и зарабатывает составлением кроссвордов. "Являясь носителем (почти невольным) обыденного взгляда на мир, Каялов внутренне чужд и этому взгляду, и этому миру", – замечает Ливантовская (Воробьева) [5]. Его миром стал мир кроссвордов и энциклопедий, сформировавший особый тип "текстового" мышления. Принадлежность миру крестословиц становится формой его "отчуждения", бегства из жизни, где необходимо постоянно делать этический выбор. В состоянии раздвоенности жизненной позиции герой столкнулся с Анкетой.

Решив устроиться работать в милицию, он хотел стать честным милиционером и, продолжая линию отца, бороться с коррупцией. Условием приема становится заполнение некой Анкеты, содержащей 350 неординарных вопросов. Они ставят героя в тупик, провоцируют, шокируют, довлеют над его сознанием. Сюжет романа имеет автобиографическое начало. В интервью О. Богомоловой автор "Анкеты" ответил, что аналогичный герой живет в нем с юности: "Мне было лет двадцать пять, я захотел пойти работать в милицию, в детский приемник-распределитель. Комиссия меня забрала не по здоровью, а потому что я абсолютно честно ответил на все вопросы анкеты. Например, "Бывали ли у вас странные мысли?" Ну, конечно, бывали – куда же молодому человеку с филологическим образованием, пишущему стихи, без странных мыслей? Был еще вопрос: "Случалось ли вам украсть что-нибудь?". И я ответил: да. Имел в виду дыню в соседском огороде и двадцать копеек со стола. Завернули меня, и правильно: такая откровенность граничит с ненормальностью, а там здоровые люди нужны" [9].

Отвечая на вопросы, герой романа "Анкета" пытается "упорядочить" самого себя. Она служит инструментом для самоанализа, экскурсов в прошлое, психологических экспериментов над собой и другими. Роман представляет собой форму анкеты с вопросами и развернутыми ответами-воспоминаниями. Природа задаваемых вопросов и внутренняя честность приводят героя к обескураживающему релятивизму: любой вариант ответа кажется ему возможным. Вопросы анкеты постоянно преследуют героя, цепко удерживают его в кругу поставленных формулировок. Из простой формальности процесс

превращается в самоистязание, засасывающую саморефлексию. Позиция отвечающего изначально запрограммирована как двойственная. По искренним, правдивым ответам выстраивается индивидуальный портрет личности человека. По "правильным", "ожидаемым" ответам тестируется усредненный, "анкетный" тип, лояльный к системе, который и может быть принят в милицию. По линии, разделяющей истинное и ожидаемое, личностное и "анкетное", и происходит раскол внутренней цельности героя. "Отвечая на вопросы анкеты, заведомо составленной по принципу двойной истины, Каялов, захваченный врасплох стихией релятивизма, начинает сомневаться во всем. Не остается ничего устойчивого и безусловного. Словесная картина мира рушится. А другой и не было. На ее место становится Анкета", – пишет Ливантовская (Воробьева) [5].

Со временем герой начинает ощущать жесткую власть анкеты над собой: его постоянно держат в напряжении не только вопросы анкеты, но и иные, связанные с нею тайные формы преследования. Анкета превращается в "матрицу", управляющую его сознанием. Вырваться из зоны притяжения абсурдных и вязких вопросов – значит обнаружить и освободить свое "я". Анкета, срастаясь с героем, мыслится то текстом, то существом, то набором императивов, то механизмом манипуляции сознанием героя. Человек-анкета – новый тип современного гротескного превращения человека. Он ощущает на себе власть Анкеты, испытывает ее компроматы, осознает связь Анкеты с обстоятельствами внешнего мира. Угрожающая интенция Анкеты исходит из имплицитно предъявляемых ею требований: быть "нормальным", что означает – "безликим", "управляемым", "усредненным".

Анкета – форма дифференциации типа сознания современного человека: или она тобой управляет, или ты – ею. В романе Слаповского герой Каялов предстает новым Гамлетом, поддающим тотальной рефлексии законы социума и бытия. Роман насыщен христианскими аллюзиями, прямыми и скрытыми цитатами из гетевского "Фауста". Как и Фауст, он ведет свой диалог с самим сатаной, в его новой, современной реинкарнации. Остаться независимой личностью, управлять Анкетой, а не быть ее жертвой – таково стремление героя. *"Путь к процветанию один – каждому дать максимальную возможность распоряжаться собой. Население делить не на классы и слои, а исключительно по уровню самоконтроля и способности к самоуправлению в буквальном смысле"* [10, с. 314]. К такому выводу в конце романа приходит герой, сберегающий все же в ореховой шкатулке переплетенную в сафьян Анкету.

Таким образом, в прозе А. Слаповского средствами гротескной поэтики исследуется проблема самоидентификации личности "героя нашего времени". Формами несовпадения личностного и социально детерминированного образа "Я" выступают "Я – Мы", "Я-норма – Я- патология", "Я – Иной", "личностное Я – анкетное Я". Автор соединяет в гротескном пространстве произведения повседневно-бытовые и фантастические элементы, "переворачивает" понятие "нормы" и "патологии" сознания и поведения, идеала и анти-идеала, культуры и антикультуры. Адекватным методом описания реальности являются различные формы остранения, абсурда и "анти-абсурда", в своей главной художественной задаче подчиненные реалистическому способу отображения действительности.

Литература:

1. Заколдованный Слаповский [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета 2006 (от 6 февраля). – Режим доступа: <http://www.vz.ru/culture/2006/2/6/21559.html>
2. Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности / Н. Иванова. // Знамя. – 2006. – № 11. – С. 3-7.
3. Иванова Н. Ностальгическое. Взгляд на литературу новой России: 90-е [Электронный ресурс] // Виртуальная библиотека журнала "Знамя". – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano.html>

4. Курский А. А. Слаповский День денег. Плутовской роман [Электронный ресурс] // Волга. – 1999. – № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/9/kursk.html>
5. Ливантовская (Воробьева) Е. Жизнь как анкета и как сюжет: [Рецензия на роман А. Слаповского "Анкета. Тайнопись открытым текстом". – "Звезда", 1997, № 2 – 3] [Электронный ресурс] // Новый мир, 1998. – № 2. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/2/rec02.html
6. Немзер А. В поисках скрытого "я" // Немзер А. Дневник читателя: Русская литература в 2006 году. / А. Немзер. – М.: Время, 2007. – 320 с. – С. 231-234.
7. Немзер А. Завещание Дельвига [Рецензия на роман А. Слаповского "Я — не я". "Волга". 1992, №№ 2—5/6] [Электронный ресурс] // Андрей Немзер. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. – М.: "Новое литературное обозрение". – 1998. – 432 с. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/nemzer/nemze083.html
8. Слаповский А. Алексей Слаповский: литература как чудо. Интервью А. Слаповского В. Иткину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.top-kniga.ru/kv/interview/interview.php?ID=7730>
9. Слаповский А. Алексей Слаповский: Я никогда не занимался тем, что было неинтересно: Интервью А. Слаповского О. Богомоловой [Электронный ресурс] // Время новостей № 9 от 22 января 2004. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2004/9/10/89657.html>
10. Слаповский А. Анкета: Роман. Пыльная зима: Повесть / А. Слаповский. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – 365 с. – (Современная отечественная проза).
11. Слаповский А. День денег: Плутовской роман. / А. Слаповский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 272 с.
12. Слаповский А. Мы: Роман / А. Слаповский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.

Анотація

Н. НЕВ'ЯРОВИЧ. ПРОБЛЕМА САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ "ГЕРОЯ НАШОГО ЧАСУ" В ГРОТЕСКНІЙ ПРОЗІ А. СЛАПОВСЬКОГО. СТАТТЯ ДРУГА

У статті досліджується проблема особистісної ідентичності та етичного самовизначення героя в гротесково-ігровій парадигмі постмодерністських романів "Ми", "Анкета"; аналізуються інтертекстуальні образи і прийоми відображення внутрішнього пошуку героя; встановлюється типологія героїв класичних літературних і сучасних персонажів; художній простір роману розглядається як реалізація принципу абсурду.

Ключові слова: постмодернізм, абсурд, анти-абсурд, гротеск, самоідентифікація особистості героя.

Аннотация

Н. НЕВЯРОВИЧ. ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ "ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" В ГРОТЕСКНОЙ ПРОЗЕ А. СЛАПОВСКОГО. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В статье исследуется проблема личностной идентичности и нравственного самоопределения героя в гротескно-игровой парадигме постмодернистских романов "Мы", "Анкета"; анализируются интертекстуальные образы и приемы отображения внутренней динамики героя; устанавливается типология героев классических литературных и современных персонажей; художественное пространство романа рассматривается как реализация принципа абсурда.

Ключевые слова: постмодернизм, абсурд, анти-абсурд, гротеск, самоидентификация личности героя.

Summary

N. NEVYAROVICH. PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF "A HERO OF OUR TIME" IN A. SLAPOVSKI'S GROTESQUE PROSE. ARTICLE 2

The article deals with the problem of personal identity and hero's moral self-determination in a grotesque and playing paradigm of postmodern novels "We", "Questionnaire". The author analyses intertextual images and ways of reflecting the hero's internal dynamics, ascertains typology of classical literary and modern characters, considers the artistic space of the novel as realization of absurd's principles.

Keywords: postmodernism, absurd, anti-absurd, grotesque, hero's self-identification.